

Михаил
Максимов

В ПОИСКАХ ВРЕМЕНИ

ПЕРЕЖИВАТЬ

Годучай,
и беспечные степи
через тонкие и нежные пальцы
уснувшей казашки.
Алыча,
и ко мне тянутся дети,
пытаясь достать до края
белой длинной рубашки.
Ничего,
я могу удержаться в седле.
Я смогу, в этих степях не остаться
облачной пылью.
Этот день расплывается солью во мне,
и память красным коршуном
расправила крылья.
Успокой
теплый ветер мне в спину,
Сжатый воздух смешай
с бесконечной синькою неба.
Я душой
ощущаю тонкую силу,
что вплетается в желтые косы
кусачего лета.

В ПОГОНЕ ЗА БЕЛЫМ КРОЛИКОМ

Сколько ни мерь ярдами,
Тебе не пересечь фьорд.
За мной вырастают скалами
Песков стекловорот.

Читай своего Мураками,
 Пряча голову в книгу.
 Ложись рано. Вставай рано.
 В сети пытайся накликать
 меня, но я уже дальше –
 Полутора метров и вынос мозга.
 Я в самой дремучей чаще,
 Я между мостом и Обью,
 Я между междометий,
 Без последней цифры
 номер с табличкой в отеле
 «Здесь погибают рифмы».
 Не смей за мной никуда,
 Я – сбежавший Тотошка
 Элли, аллле! стучи! каблуками
 Тук-тук и ни рожек, ни ножек.

В КОМНАТЕ

Променяла меня на дешевый портвейн,
 И в скрипучий мороз убежала.
 Перестал различать – то ли ночь, то ли день,
 Приковало к кровати меня одеяло.
 Заболел. В трещинах на потолке,
 Отыскать я пытаюсь тайные знаки,
 За окном... хотя нет, скорей, в голове,
 То ли ветер воет, то ли воют собаки.
 Тишина, говорят, верный признак смерти,
 Значит, я еще все-таки жив.
 Но в мои 33 квадратных запущенных метра
 Поместилась вся пропасть во ржи.

ТЫ

Ты однажды уйдешь –
 Не дочитав свою книгу,
 Не сполоснув свою кружку –
 Ты сохранишь интригу.
 Будто на пару минут,
 Будто так... в магазин,
 Будто к соседке ушла –
 Чтоб попросить аспирина.
 Кот будет ждать у двери,
 Телефон разрываться без толка,
 Вышивка тихо умрет –
 В себе не заметив иголки.

ИРКУТСКИЕ КРАСНЫЕ НОЧИ

Спится непросто, если светло в окнах ночами.
Ты ль говоришь сегодня со мной, горний начальник?
Сосны сгорают, им – ничего. Больше простора.
Над потолком трески звучат Небесного горна.
Вовсе не спится!
Небо, земля – пылают пожаром.
Так, словно ночь становится днём – пепельно-алым.

ДЕНЬ ГОРОДА

Город в солнечном свете одет в разноцветные флаги,
Кто куда, кто с шарами, кто с бутылкой в пакете.
И пока на площади, в сквере, засыпают алые маки,
Я с тобой иду, напевая песню о лете.
Скоро ветер осенние листья уронит на землю,
Скоро день короче, и ночи, конечно, длинней,
И та песня о лете, которую вместе мы пели,
Разлетится по миру со стаей грачей.

ДОМ

Я смотрю на дом,
И дом таков,
Как и сотни вокруг домов.
Те же окна-глаза
И двери-рты,
То же ощущение пустоты.
Там чужая жизнь,
И она похожа
На мою быть никак не может.
Я смотрел на дом,
А дом в меня,
Между нами – невидимая стена.

В МАШИНЕ

Выдувает поля ветер,
Солнце падает вниз, пепел
рассыпая на облака.
Я в машине, у окна.
И мне кажется все чаще,
Догоняю я уходящее

солнце, но не могу догнать.
За окном горизонта гладь
все быстрее. Но и больше
оставляю в прошлом прошлое,
Забывая имена и даты,
Январёво-февральские марты.

В ПОИСКАХ ВРЕМЕНИ

Невообразимо пусто
На улице и в голове.
Не дочитал Пруста,
Чая – на дне.
День – продолжение ночи,
Ночь – продолжение дня.
Время – размытая точка,
Мятая простыня.
Как бы добавить веса
Музыке и словам,
Когда невесомости этой
Полный стакан.
Перевернешься на бок,
Холодно и темно.
Больно с кровати падать.
Вот оно – дно.

БОЛЕЗНЬ

Не пошевелить телом, не повернуть вспять.
Тело мое постарело, ему бы лежать и спать.
Мысли бы не заржавели, ржа не проникла в кость.
Звоном зовут метели – моЛоЛоЛоЛодость.

Вот и лежу, и пялюсь, стуже в глаза смотрю,
Там, за окном я старюсь, здесь же, в кровати, борюсь.

ПЕРЕВЕРНИ

Переверни и заново,
Курит одну за одной
Длинными пальцами
Тонкие сигареты.
И эта вечность длится
С дымом, и дом

тоже с тонкими стенами
Где-то.
Голые и счастливые
В ворохе из простыней
Мы собираемся заново
В цельное что-то.
Бог говорит с нами
На древнем языке.
Под потолком замирает и стынет
воздух.

КРУГ

Пока город не спит,
И до сна два часа,
Я лежу и смотрю
В потолок.
Я лежу и молчу,
За стеной голоса,
Песня Апиной
про узелок.
Этот фон
Вместе с уличным шумом,
Эти шторы,
Этот я неподвижный.
Мне плевать,
Интроверту под дулом
пистолета,
Не страшно от жизни.

Мне гораздо страшней
Не подняться с кровати,
Не любить, не хотеть
Просто встать.
Голубеет рассвет,
И краснеют закаты,
Освещая мой гроб,
Как кровать.

ГОРОД

Город пахнет любовью, останками лета
И так сразу: рождением, счастливым детством,
На ладонях моих нет четких линий.
На ладонях для линии жизни нет места.

В тротуарах читаются трещины-буквы,
Наступи, и провалишься в бездну невроза.
Я иду аккуратно, читаю, мне непонятно.
На каком языке говорят со мной звёзды.

ПРО ЛЮДЕЙ И СОБАК

Соседка этажом ниже
бросает еду из окна
Приходящим собакам,
Собаки знают, в какой день и во сколько,
Живут по расписанию.

Соседка высовывается из окна,
Когда бросает еду
Приходящим собакам.
Однажды она так увлечется,
Что выпадет ровно туда,
Куда бросала еду приходящим собакам.

Изменится расписание:
одни собаки побегут останавливать попутки,
Чтобы отвезти соседку в больницу.
другие будут просить телефоны у прохожих
Позвонить в скорую помощь.
Но
Во дворе будет слышно только собачий лай,
Беспомощный собачий лай.

СТОНУТ СТЕНЫ

Стонут стены,
Бьется птица
В незакрытое окно.
Как в такое может биться
Птица.
Стонут стены,
Рядом, рядом
Разрываются снаряды.
Для могилы воронёнка
Подходящая воронка.
Стонут стены,
Крыша машет –
Черепицей и скрипит.
И моя слетает крыша

И летит.
Стонут стены
От ударов.
Я сегодня стану старым.
Утром был я молодым.
В доме черный
Черный
Черный-черный
Черный дым.

МАРТ

Белый и
Воздушный замок.
Чёрный и
Разрушенный город.
Между ними
Попадание в дамки.
Между нами
Разряженный воздух.
Прямо в небо –
Заброшены санки.
Пеплом белым
Испачканы ноги.
Тонут дни
В мартовской каше.
Стонут дни
В призрачном марше.

КООРДИНАТЫ

Кто-то в военной форме вычисляет координаты.
До сих пор офицерской линейкой.
Точность сомнительна, и в результате:
Невидимые дети идут в невидимые школы;
Невидимые пациенты заполняют формы согласия
на обработку невидимых персональных данных;
Невидимые жильцы выходят на
невидимое собрание собственников,
у придомовой территории обсуждать благоустройство и счета за невидимые
общедомовые нужды (они, кстати, во всех версиях вселенных невидимые).

И эта невидимость заполняет города и посёлки,
Даже Бог смотрит на это сверху и ничего не понимает.
На карте эту невидимость назовут ошибкой в расчётах, человеческим фактором.

Раз человеческий фактор, то можно списать всё
на ту же офицерскую линейку и того в военной форме.

Разчеловеческий фактор, если писать слитно,
то становится всё понятней и почти в рифму.
Расчеловеческий – слово можно писать, уже не добавляя другие.
Раз – и нет человека, отметка на невидимой карте.
Раз ещё раз ещё раз ещё раз... Мимо?

АЛТАЙ

Пыльными тропами,
Поездами ли
Самолетами,
Не касаясь земли,
Ты найди меня,
Позови опять,
В моём имени
Вся степная гладь.
Вся степная боль:
В плену из трав
Превратившийся
Деревенский дом.
Голубой закат
Над землей распят
Электрическим
Полусгнившим столбом.

Моё имя там,
Где собачий лай,
Гул ветров полей,
Моё имя – Алтай.

Максимов Михаил Сергеевич родился в 1987 году в городе Славгороде Алтайского края. Прошёл курс «Основы литературного мастерства» Ягодинцевой Н.А. (г. Челябинск) и школу писательского мастерства от фонда СЭИП. Участник семинаров молодых литераторов в Барнауле, Омске, Новосибирске, Москве. Член Алтайского отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России. Публиковался в коллективных сборниках, в газете «Литературная Россия», в журналах «Москва», «Юность», «Урал», «Странник» и других изданиях. Автор сборника рассказов «Соленые огурцы» и поэтического сборника «Пережи/евать».

